

СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

Катастрофы и нравственность

Что ожидает наших детей и внуков за порогом тысячелетия? Какая судьба им уготована? Постепенное одичание тех, кто уцелеет в локальных войнах и гражданских междоусобицах? Физическое и нравственное вырождение чудом спасшихся на «последнем берегу», в круговой обороне против опустошенной, разграбленной, берущей реванш природы?

Глобальная катастрофа, крах цивилизации — эта тема зазвучала в исследованиях ученых не как гипотеза, а как реальность, которая уже стучится в двери. Можно ли отвести эту угрозу? И если да, то что спасет мир? Попытку ответить на эти и другие вопросы вы найдете в только что вышедшей под эгидой Российского Открытого университета книге «Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы». Интервью с ее автором, кандидатом психологических наук, доктором философских наук АКОПОМ НАЗАРЕТЯНОМ провела редактор отдела нашего журнала Татьяна ИЛЬИНА.

Этим материалом открывается новая рубрика — «Стратегия выживания». Поскольку актуальность проблем, связанных с сохранением земной цивилизации, становится все более очевидной, они, по всей вероятности, выдвигаются сейчас на первый план в междисциплинарных исследованиях мировой науки. Это тема, за которой будущее.

Т. И. Акоп Погосович, вы пишете в своей книге о том, что для земной цивилизации наряду с реальной вероятностью гибели существует все-таки шанс на выживание. С чем вы связываете этот шанс?

А. Н. Если ответить кратко, то прежде всего — с интеллектуальной зрелостью человечества. Цивилизация уже переживала кризисы подобного рода, когда люди, скажем так, могли больше, чем понимали, и из-за этого оказывались на грани окончательной катастрофы. В таких случаях стержнем спасительных преобразований становилась кардинальная перестройка мышления. Люди научались быть умнее, дальновиднее. И сегодня проблема выживания сводится в конечном счете именно к этому.

Т. И. Обычно приходится читать, что нынешний кризис беспрецедентен. Или наоборот — что каждая цивилизация проходит стадии расцвета и увядания, и вот теперь наступила агония европейско-американской цивилизации, способная в эпоху глобальной взаимосвязи потянуть за собой в могилу все остальное. Так или иначе выходит: крах обусловлен естественными законами и неотвратим.

А. Н. Самое интересное — все эти посылки в общем верны. И то, что каждая историческая ситуация (в том числе нынешняя) уникальна, и то, что события подчас повторяются потрясающим образом. И само существование цивилизации находится в неоднозначном, противоречивом отношении с рядом естественных законов, и сегодня угроза ее самоистребления

чрезвычайно валика. И закат Европы оплакивают уже более трехсот лет... Не удивляйтесь, вспомните: «Не так ли ты, о европейский мир, когда-то пламенных мечтателей кумир, к кончине клонишься поникшей головою...». Это не О. Шпенглер, это — юный М. Лермонтов.

Итак, все вроде бы верно. Есть, однако, решающее обстоятельство: исторический процесс состоит не из абсолютно замкнутых самодовлеющих циклов, в его противоречивых событиях прослеживаются сложная преемственность и соответствующий кумулятивный эффект. С этим и связана надежда на то, что вся история нашей планеты — не частный эпизод в беспредельных просторах Метагалактики, а начало универсального процесса, способного играть возрастающую роль в ее судьбе.

Я уже говорил, что развивающаяся цивилизация, помимо локальных, знала кризисы, сопоставимые с теперешним по масштабу, причинам и опасности. Из того, что прежде ей доставало внутренних ресурсов для выживания, вовсе не следует автоматически, что таковых хватит и на сей раз. Но изучение прецедентов помогает выявить закономерности, выработать прогнозы, сценарии и стратегии выживания. Ибо сегодня мы имеем дело с очередным закономерным эволюционным кризисом...

Т. И. Все-таки очередным и закономерным? Вы отвергаете мысль о том, что он возник в результате искаженного развития, ошибочных решений?

А. Н. Давайте разберемся. История жизни и история цивилизации полны кризисов. Кроме масштабов, содержания и т. д., они различаются происхождением: кризисы могут возникать преимущественно в силу внешних или внутренних причин. На это различие теоретики долго не обращали внимания, хотя от происхождения кризиса решающим образом зависят и способы его преодоления, и возможные последствия.

Т. И. Как понимать «внешние» и «внутренние» причины?

А. Н. Например, спонтанное изменение геологической активности, космические катаклизмы, дрейф солнечных пятен и прочие сугубо внешние по отношению к жизни факторы способны вызвать локальные или глобальные изменения климата и других условий существования. Такое многократно происходило на протяжении земной истории, провоцируя мощные катастрофы и адаптивные изменения, подчас вырождение видового состава биосферы. Иногда в итоге с лица Земли исчезали более 80% видов животных. Позже в результате аналогичных потрясений, хотя и несравненно меньших масштабов, разрушались цивилизации, не сумевшие своевременно перестроить приемы хозяйственной деятельности, зато получали преимущество другие, которые прежде оставались в тени, поскольку их жизненный уклад более благоприятствовал процветанию в новых условиях.

Но вот что важно: кризисы внешнего происхождения могут разрушить систему или стимулировать ее адаптивные изменения, однако эти изменения никогда не носят «прогрессивного» характера. То есть не возрастают внутреннее разнообразие системы (биологической или социальной), ее энергетическая эффективность, интеллект.

Сейчас цивилизация переживает кризис совсем другого типа, и такие кризисы гораздо интереснее, богаче следствиями, хотя они не менее драматичны.

Т. И. Это и есть кризисы, вызванные внутренними причинами?

А. Н. Точнее, обусловленные логикой собственной активности системы. Такие кризисы можно условно назвать эволюционными. Они еще чаще, чем кризисы первого типа, происходят в природе и в обществе, и некоторые из них также приобретали глобальный характер.

Т. И. А что это за логика?

А. Н. Любой живой организм — система, находящаяся в устойчивом неравновесии с внешним миром. Чтобы поддерживать такое «противоестественное» состояние, организм должен сопротивляться уравнивающему давлению физической среды. Жизнедеятельность — это и есть постоянная работа против равновесия, против энтропии. Для работы необходима свободная энергия, которая получается при разрушении других неравновесных систем. Поэтому в известном смысле жить — значит разрушать. Растения в основном питаются лучистой энергией, высвобождаемой при «самопроизвольном» разрушении Солнца, хотя и они конкурируют за минеральные ресурсы почвы, за доступ к источнику света и т. д. Животные же существуют за счет активного разрушения других организмов — растительных и животных, высвобождая и усваивая накопленную в них энергию. Но ресурсы среды всегда ограничены. Здесь естественный источник экологических и даже будущих политических кризисов.

Т. И. Как же при этом природа сохранялась и даже развивалась миллиарды лет?

А. Н. Она выработала многообразные механизмы восстановления баланса. Большинство из них консервативны или даже регрессивны, т. е. связаны с циклическим саморазрушением. Например, реализуется некоторое подобие колебательного контура, который представляют при помощи упрощенной математической модели «волки-зайцы». Из-за увеличения поголовья волков сокращается поголовье зайцев, тогда от бескормицы вымирают волки, а в результате быстро размножаются зайцы и т. д.

Т. И. То есть зайцы — источник энергии для волков, и когда он истощается, ватки начинают гибнуть...

А. Н. Одновременно животные становятся агрессивнее. При перенаселении ослабевает так называемый популяционноцентрический инстинкт, удерживающий и хищников, и травоядных от смертельного ущерба особям своего вида. Все это, повторяю, сильное упрощение, но в целом такого рода механизмы способны долго поддерживать динамический баланс в природе.

Т. И. Вы говорите, что эти механизмы консервативны. Но сами кризисы вы назвали эволюционными...

А. Н. Да, потому что имеются и другие механизмы преодоления кризисов такого типа, они в конечном счете и обеспечивают прогрессивную эволюцию биосферы. Поясню на примере. Если растения предоставить самим себе, то они захватывают весь пригодный ареал и вместе с экологическим кризисом обостряется конкуренция. Но вот в среде появляются травоядные организмы — и становятся фактором, ограничивающим рост зеленой массы. Однако при благоприятных условиях сами они начинают безудержно размножаться, что, в свою очередь, приводит к экологическому кризису. Тогда «на помощь» могут прийти хищники, разрушительная активность которых по отношению к травоядным ограничивает разрушительную активность травоядных по отношению к растениям. Хищники становятся жертвой еще более сильных хищников и т. д. (Н. Заболоцкий называл это: «природы вековечная давящая»). То есть агрессия одних популяций регулируется агрессией других популяций, в результате растет разнообразие, количество обратных связей, а тем самым повышается динамическая устойчивость, жизнеспособность единой экосистемы.

И еще существенный момент. Чем сложнее экосистема, тем больше эффект конкуренции на ее верхних этажах определяется качеством опережающего отражения — прогнозирования внешних событий, проектирования

собственных движений, а тем самым — результативностью энергетических затрат. Таким образом в биосфере формировались все более «интеллектуальные» организмы, в конечном счете появились животные, способные ориентироваться на предметные образы...

Т. И. Это вы и имели в виду, когда писали, что интеллект есть инструмент агрессии?

А. Н. Я утверждаю, что одной из исходных и главных функций интеллекта было обеспечение успешной охоты (т. е. разрушение) и, соответственно, защиты. А особенно важно для меня то, что общебиологическое свойство агрессивности унаследовано человеком, его психикой, интеллектом.

Т. И. Мы так изначально и безнадежно агрессивны?

А. Н. Изначально, но не безнадежно. Вокруг этого вопроса столько спекуляций, что трудно в двух словах объяснить его суть. То, что агрессивные тенденции глубоко заложены в мотивации поведения, подтверждается исследованиями психологов, а физиологические эксперименты показывают, что агрессивно-оборонительный рефлекс — самый глубокий из рефлексов человеческого организма, он сохраняется и тогда, когда все остальные уже выключены. Да иначе и быть не может — агрессивно-эгоистические импульсы составляют предпосылку спонтанной активности организма. Это обстоятельство и игнорировать, и драматизировать одинаково опасно, его надо понять в эволюционном контексте...

Т. И. Тогда выходит, что агрессивный человек с атомной бомбой в руках обречен...

А. Н. Вот для того и нужен эволюционный контекст, в котором картина видится совсем иначе. До сих пор мы с вами говорили о природе. Но по мере того как гоминиды выходили на путь систематического использования, а затем и искусственного производства орудий, складывалась совершенно новая ситуация. Прежние механизмы смягчения кризисов оказались уже недостаточны. Во-первых, биосфера не располагала более мощным агрессором, который бы стабильно сдерживал извне разрушительную активность утверждающегося «царя природы». Во-вторых, развившийся интеллект делал гоминидов менее зависимыми от врожденных поведенческих программ, в частности от популяционноцентрического инстинкта. В-третьих, искусственные средства нападения значительно превосходили естественные средства защиты... Сейчас поясню. Тигру трудно загрызть насмерть другого тигра кроме прочего еще и потому, что острым клыкам противостоит прочная шкура. А человеку человека убить — проще простого. Помните, как у В. Высоцкого: «Кому-то под руку попался каменкжа, метнул, гадюка,— и нету Кука...». Камнем, палкой, костью можно ударить сородича сзади, во сне и т. д. Были и другие существенные причины...

Т. И. Которые поставили под угрозу гибели род людской?

А. Н. Это даже и не люди еще были в современном понимании. Но угроза их существованию, судя по всему, сложилась весьма реальная. В этом и состоял тот глобальный эволюционный кризис, последствием которого стало первичное формирование цивилизации на нашей планете. Выживание гоминидов обеспечила кардинальная перестройка психологии. Стали формироваться совершенно новые механизмы психической активности, усвоения родового опыта — тому имеются косвенные археологические свидетельства. Но для нашей темы важно то, что вместе с искусственными, особенно стандартизированными, материальными орудиями создавались ис-

кусственные внеинстинктивные ограничения на агрессию. Тем и отличается культурная стадия развития гоминидов от докультурной.

Т. И. Внеинстинктивные ограничения — это мораль, нравственность?

А. Н. Не будем преувеличивать. Я бы назвал это «протоморалью». Но важно ведь не слово придумать, а понять качественную специфику и одновременно общность исходных культурных норм сравнительно с нормами исторического времени.

Т. И. В чем же особенность этой «протоморали»?

А. Н. Приведу один пример. Археологи обнаруживают на древнейших стоянках останки палеоантропов, проживших в стаде многие годы, оставаясь полными калеками. У животных вы такого не найдете: и травоядные, и хищники защищают молодняк, а сохранять старых или больных биологически совершенно невыгодно. Так что упомянутые факты очень красноречивы. Стадо заботилось о беспомощных сородичах, их защищали и лечили. Погибших хоронили с почестями, в индивидуальные захоронения укладывали орудия, иногда даже лекарственные цветы, т. е. заботились и о загробной жизни! И к тем же эпохам относятся пробитые черепа, в слоях золы от костров встречаются обгоревшие человеческие кости.

Эти и другие факты в совокупности с данными этнографии, экологии, генетики позволяют произвести некоторую историческую реконструкцию. И выясняется, что сотни тысяч лет гоминиды, включая и неантропов (т. е. человека разумного), не знали иных способов групповой консолидации, кроме конфронтационных. Солидарность, взаимопомощь («мы») обеспечивалась переносом агрессии на соседние стада («они»). «Мы» — это те, кто противостоит «им», нелюдям. Нормы протоморали ограничивались рамками «своего» коллектива, тогда как «чужие» вызывали безусловную и безграничную враждебность. Еще и в помине не было пресловутой «эксплуатации человека человеком», рабства, плена, выкупа, обмена и т. д., равно как люди не знали предательства «своих» или жалости к «чужим», к нелюдям. Геноцид был нормой отношений между враждебными племенами. Тысячелетиями борьбы за уникальную экологическую нишу были последовательно истреблены все отставшие в своем развитии стада, роды и виды гоминидов — от австралопитека до палеоантропа включительно.

Т. И. Жутковатая картина. И все же, если я вас правильно поняла, именно протомораль помогла людям выжить?

А. Н. И выжить, и стать собственно людьми. В смертельной конкуренции лучшие шансы получали те стада, где надежнее кооперация, взаимовыручка. Антропологами подробно описан этот специфический механизм антропосоциогенеза, названный грегарно-индивидуальным отбором (от греческого «грегус» — стадо). Не буду сейчас вдаваться в его детали. Интереснее отметить, что здесь выражается общая зависимость, о которой издревле размышляли философы. «Война — отец всего и царь всего», — писал еще Гераклит, а Блаженный Августин добавил, что в действительности она проходит не между добром и злом, но между добром и добром. Эта вечная война, или «борьба организационных форм», по выражению русского ученого А. Богданова, — неиссякающий источник развития, где добро и зло переплетены самым тесным, причудливым образом.

Организация формируется противоречием, конфликтом, гармония зиждется на коллизии. Зло рождает добро, а добро, ограничивая зло, служит необходимым условием его сохранения. Ибо абсолютное зло, не компенсированное добром, непременно бы само себя уничтожило — это уже Фома Аквинский, — а потому каждому безобразию есть свое приличие... Изучая

историю эволюции, я то и дело сталкивался с тем, как разрушительные факторы становятся импульсом созидания, а действие сохраняющих, антиэнтропийных по своему происхождению факторов, напротив, оборачивается ростом энтропии. Здесь мы видим только один из бесчисленных примеров: из насилия, жестокости, войны вырастали социальная солидарность, мораль, милосердие как механизмы сохранения. Они обеспечивали растущую силу зла — энергетическую мощь боевых и производственных технологий — и совершенствовались вместе с ней.

Т. И. Совершенствовались ли? Когда вы говорите, что нормы протоморали распространялись только на «своих» и к «чужим» неприменимы, неужели вы не видите прозрачных аналогий и в наше время?

А. Н. Конечно, вижу. Но тем и замечателен эволюционный контекст, что в нем многое видится иначе. После неолита ненависть к «чужому» никогда уже не была столь всеобщей и безусловной. Скажем, историческое время тоже насыщено фактами геноцида, но никогда больше он не увенчивался тотальным «успехом», несмотря на все более грозные орудия уничтожения, и самые свирепые завоевания сопровождалось какими-либо формами порабощения, ассимиляции. Это обстоятельство отмечали П. Тейяр де Шарден и другие историки. Для целенаправленного поголовного истребления враждебного племени нужна особая психология, особая культурная традиция, которая изжила себя вместе с палеолитом, с его культурой и системой хозяйствования.

Т. И. Каким образом? Мне приходилось читать, что конец палеолита связан с наступлением новой геологической эпохи...

А. Н. Вы, видимо, имеете в виду эпоху голоцена. Но ее связь с окончанием палеолита чисто поверхностная, временная. Мы ведь уже говорили, что внешние изменения сами по себе не дают качественного эволюционного эффекта. Вдумаемся, что такое голоцен? Послеледниковый период, всеобщее потепление на планете, геологическая весна. Объективно идеальные условия для присваивающего хозяйства — охоты, собирательства. Ешь ананасы, рябчиков жуй! Не удивительно ли, что в это внешне самое благоприятное время палеолитический способ хозяйствования зашел в тупик. Причины здесь гораздо глубже, драматичнее.

Т. И. В чем же дело?

А. Н. Это типичный эволюционный кризис. Чрезвычайно усовершенствовались орудия, приемы охоты. Население возросло. А главное — у людей сформировалось небывалое чувство всемогущества, безнаказанности. Под напором одуревших от собственных успехов охотников стали исчезать поголовья животных, издревле служивших источником существования. Полностью вымерли мамонты, пещерные медведи, некоторые породы лошадей. Первые люди проникли в Америку, за тысячу лет прошли от Аляски до Огненной Земли, полностью истребив по пути слонов, верблюдов — непуганые стада, не имевшие опыта контакта с гоминидами. Есть данные о том, что в Сибири, например, мамонтов убивали целыми стадами...

Т. И. Зачем?

А. Н. А просто так. Охотничья похоть, пьянящее «могу!». Трудно найти иное объяснение. В средних широтах планеты, где технологический прогресс был особенно выражен, происходила настоящая экологическая вакханалия...

Т. И. И расплата не заставила себя ждать?

А. Н. Еще бы. Природа не могла более выдерживать сосуществования со столь хорошо вооруженным и безудержным агрессором. А экологический кризис, как всегда, повлек за собой «политический»: конкуренция между племенами достигла предельного ожесточения, население стало стремительно уменьшаться. Согласно данным радиоуглеродного анализа, в некоторых местах люди едва ли не полностью исчезли. Человечество в очередной раз оказалось на грани физического самоистребления. Это и называется верхнепалеолитическим кризисом. Наступление же голоцена было для него ни в коем случае не причиной, а, напротив, если угодно, подарком небес, который помог человечеству выжить. Но все равно это не более чем вспомогательный фактор.

Т. И. Что же в действительности спасло человечество?

А. Н. Неолитическая революция. Некоторые племена перешли к оседлому земледелию и скотоводству. Присваивающее хозяйство стало уступать место производящему. Люди научились стабильно обеспечивать себя пищей за счет меньших разрушений в природе, соответственно возросла их относительная независимость от природных колебаний. И все это сопряжено с существенным усложнением всего жизненного уклада: форм деятельности, социальной организации.

Вместе с этим усложнялась и психология, структура интеллектуальных процессов. Совсем еще недавно этнографы наблюдали, как удивляется представитель первобытного охотничьего племени, впервые наблюдая действия землепашца или скотовода. Бросать в землю пригодное для пищи зерно, кормить и охранять животных вместо того, чтобы убивать и съедать их — полное сумасбродство. Ум охотника, собирателя не приучен к столь долгосрочному охвату причинно-следственных связей, и целесообразность такого поведения не укладывается в привычный масштаб мировосприятия, вполне достаточный для присваивающего хозяйства...

А вам не приходилось наблюдать в прошлые годы реакцию наших отечественных хозяйственников, когда им рассказывали о затратах зарубежных компаний на организацию жизни, образования, отдыха рабочих? Каких только слов не говорили: буржуазная филантропия, обман масс... Им непонятно, что в новейшем производстве плохо обеспеченный, плохо образованный работник экономически невыгоден и просто неуместен.

Таково общее правило: технологии, обладающие большей удельной эффективностью, сами более сложны, требуют более сложной социальной организации, более объемного интеллекта и, наконец, более изощренных средств, обеспечивающих согласование интересов. Таким образом в ткань исторической причинности, опосредованную эволюционными кризисами, включается совершенствование механизмов ненасилия, составляющих ядро моральной регуляции отношений.

Т. И. Другими словами, люди становятся менее агрессивными?

А. Н. Нет, иначе: более мудрыми. Существует зависимость между уровнем интеллекта и способностью сдерживать агрессивно-эгоистические импульсы, перенося их, скажем, в замещающие виды деятельности — искусство, игру, спорт и т. д. Зависимость, конечно, не однозначная, а, как говорят, статистическая, но она подтверждается исследованиями и по возрастной, и по исторической психологии. В самом грубом виде картина вырисовывается такая. Субъект, масштабнее видящий мир в его причинно-следственных связях, предвосхищающий отдаленные результаты действий, больше склонен понимать и учитывать чужие интересы, чувства. Поэтому зрелый интеллект составляет необходимую предпосылку для гибких социальных отношений.

Вот мы говорили о неолитической революции. В процессе ее орудия стали делиться на производственные и боевые, племена — на «сельскохозяйственные» и «воинственные». Последние догадались, что лучше не убивать, не съедать, не вытеснять с территории соседей, а систематически изымать «излишки» производства, охраняя к тому же своих податников от нашествия возможных конкурентов. А первые поняли, что так можно обезопасить свою жизнь и обеспечить стабильное существование. Это одна из исходных форм специфически человеческого компромисса, от нее берут начало социальная эксплуатация, торговля. Практика поголовного истребления побежденного племени уходила в прошлое, людоедство в посленеолитических культурах либо вообще отмирало, либо сохраняло только ритуальный, а кое-где и «престижный» характер (у ацтеков, например, оно оставалось привилегией высшей знати). Мы говорили, что дихотомическое качество моральных отношений («они—мы») не изжито до сих пор. Но можно проследить ключевые моменты в истории, за которыми дихотомии последовательно становились менее жесткими, нормы милосердия, справедливости — более применимыми к представителям «чужих» групп... Разумеется, этот процесс не был прямолинейным, но во многих отношениях он оказывался уже практически необратимым.

Т. И. Но разве войны не становились со временем все более жестокими и разве производство не разрушало природу все более трагическим образом — пока не привело нас на грань глобальной катастрофы?

А. Н. Такое впечатление возникает, если ограничить временные рамки. А в больших исторических масштабах все наоборот. Здесь важно не смешивать жестокость войн с их разрушительностью. Конечно, усиливалась мощь оружия, увеличивались возможности связи, организации. Если бы все это не компенсировалось ослаблением «истребительного энтузиазма», то человечество не дожило бы до атомной бомбы, а с ее появлением о дилемме существования нечего было бы и говорить... То же — и с производством. Одно дело его удельная эффективность как объем полезного продукта на единицу затрат, т. е. разрушений. Совсем другое — абсолютный разрушительный эффект от всего объема производства. После кризисов люди учились использовать дополнительные энергетические ресурсы среды: почву, ветер, уголь, нефть и т. д., — снижая нагрузку на прежние. Но вслед за этим росло население, повышались индивидуальные и социальные потребности, потом возрождалось ощущение вседозволенности, которое обычно предшествует очередному кризису. Такими замысловатыми циклами, драматическими прозрениями и происходило то, что мы называем словом «прогресс»...

Т. И. Но теперь многие сомневаются в том, правомерно ли само это понятие. Говорят, что это выдумка идеологов. Какой уж тут прогресс, когда человечество балансирует на грани катастрофы...

А. Н. Я долго и с разных сторон исследовал этот вопрос. И хочу подчеркнуть главное: прогресс — не выдумка, не прихоть, но и ни в коем случае не самоцель. И для природы, и для общества он — средство выживания. Нам с вами это может нравиться или не нравиться, потому что прогресс всегда сопряжен с потерями и с новыми, еще более трудными проблемами. Но устойчиво неравновесные системы чем-то похожи на двухколесный велосипед, который упадет, если не будет двигаться...

Сейчас модно ругать индустриальную идеологию, психологию, они действительно себя исчерпали и развенчали. Только полезно помнить и о том, что сама промышленная революция стала ответом на кризис сельскохозяйственной цивилизации. Вырубка лесов под уголь обезобразила Европу, водоемы превратились в сточные каналы кожевенных и прочих ремесел, всех отхо-

дов жизнедеятельности растущих городов. Москва-река при Иване Грозном была загрязнена сильнее, чем в самый пик индустриализации. А сравните количество людей, живших на ее берегах тогда и теперь... Кстати, сельскохозяйственная деятельность и сегодня остается мощнейшим фактором разрушения природы, ежегодно поглощая массу плодородной почвы.

Так что промышленная революция только смягчила кризис, который хоть и медленнее, но продолжает нарастать из-за дальнейшего роста населения, потребления. Со своей стороны, она подошла к очередной критической черте. Но те романтики, которые теперь рисуют завлекающие идиллические картины патриархального прошлого, во-первых, односторонне изучают исторические документы, а во-вторых, не любят считать. Представляете, сколько времени могла бы продержаться природа планеты, если при наличном населении отказаться от промышленности? Преодоление индустриального кризиса могла бы обеспечить только новая, очень глубокая, всесторонняя революция — информационная. А она в свою очередь чревата в недалеком будущем такими глобальными проблемами, о каких в прошлом и не подозревали. Я пытаюсь доказать, что кризисы в природе и в обществе подчинены закономерным циклам.

Т. И. А разве кризисы в обществе и в природе по существу не различаются?

А. Н. Все эволюционные кризисы генетически связаны между собой и имеют в конечном счете общий корень — закон возрастания энтропии, утверждающий, что созидательная работа оплачивается разрушением. Но механизмы их, как и содержание, конечно, не тождественны. О природных кризисах мы уже говорили. Цивилизационные же возникают тогда, когда рост технологического потенциала общества значительно опережает качество культурно-психологических механизмов сдерживания. С увеличением этого разрыва цивилизация либо становится жертвой собственного могущества, либо глубоко перестраивает технологические приемы, организацию, интеллект и нормы деятельности. Эту непрямолинейную, но последовательно реализовавшуюся в истории зависимость я называю законом эволюционных корреляций.

Т. И. Его надо понимать так, что невозможно общество с высокоразвитой технологией, но с убогой моралью?

А. Н. Это ситуация из фантастического романа. В действительности такое общество нежизнеспособно. Оно саморазрушается, когда разрыв превышает некоторое предельное значение. В оптимальных же случаях критический опыт фиксировался новыми культурными — культовыми, религиозными — установками, новыми стереотипами повседневной деятельности. Когда говорят, будто цивилизация теперь впервые достигла способности себя уничтожить, то это недоразумение. Повторю: она способна к этому уже на протяжении сотен тысячелетий, но лишь в некоторые критические моменты такая опасность делалась реальной. Как правило же она оставалась абстрактной, но только потому, что обыденная культура соответствовала наличному разрушительному потенциалу и в достаточной мере блокировала самоубийственные действия. Причем культурные блоки утверждались настолько прочно, что даже при массовых безумиях какие-то границы уже не переступались.

Т. И. Это все выглядит логично и красиво... Ну, а как же геноциды нынешнего века, фашизм, большевизм?

А. Н. Все это страшные примеры того, как пытались в наше время возродить принципы палеолитической морали на жестко конфронтационной

основе, противопоставив людей по этническому, классовому признаку. Каждый из таких случаев требует отдельного разговора. Но обратите внимание, что даже в этих случаях регресс не был абсолютным. Не возродились, скажем, массовое людоедство или донеолитическое потребительство. Не удалось реанимировать и практику поголовного истребления врагов. Невозможно было добиться того, чтобы все, кому предписано было стать прямыми или косвенными убийцами, реально ими становились. Подчас люди, рискуя жизнью, воздерживались от доносов и убийств. И ведь не случайно правящие режимы делали все, чтобы большинство населения не представляло масштабов и характера преступлений. Смотрите, как тщательно скрывались массовые убийства. Это очень характерно: чем более развита культура, тем более изощренные средства приходится применять для оправдания и сокрытия насилий...

Вообще Энвер-паша, Сталин, Гитлер, Пол Пот ужасны именно тем, что действовали в XX в. с его небывалыми инструментальными возможностями. Они не превосходили по своей свирепости прежних диктаторов, но могли организовывать зверства в невиданных прежде «единовременных» масштабах. И один из аспектов исторической коллизии состоял, по-моему, в том, что новые мировые религии, которые пытались противопоставить прежним, уже выродившимся, не были, да и не могли быть более адекватными требованиям материальной и духовной культуры, а потому повлекли за собой нравственный и во многом технологический регресс.

Т. И. Значит, религии можно расположить по степени прогрессивности, «адекватности»?

А. Н. Давайте только не доводить до абсурда. Я говорю, что общество живо постольку, поскольку утвердившиеся в массовом сознании механизмы ненасилия адекватны наличной технологической мощи. Эти механизмы создавались культурными, прежде всего религиозными традициями, отражавшими «в снятом виде» драматический опыт предыдущих ошибок и кризисов. И в общей тенденции с ростом технологического потенциала эти механизмы совершенствовались — в том смысле, что обеспечивали все более надежные, многообразные приемы разрешения множившихся экологических и социальных противоречий.

Т. И. Какая же религия «адекватна» атомной бомбе?

А. Н. Никакая. Новейшие технологии либо заставят людей окончательно вырасти из пеленок религиозного сознания, либо погубят цивилизацию.

Т. И. Почему? Чем не отвечают современной экологической и политической ситуации заповеди «не убий», «не укради»?

А. Н. Эти христианские заповеди присущи, можно сказать, любой религиозной или квазирелигиозной традиции. Ее признавали древнейшие племена и огнепоклонники, христиане и мусульмане, коммунисты. И все — убивали, грабили...

Т. И. «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься»...

А. Н. Это бы еще полбеды. Но люди гораздо больше убивали друг друга не во грехе, а в добродетельном вдохновении. Сейчас доказано, что и неандертальцы, и кроманьонцы имели довольно сложные формы религии. Но когда они сошлись в смертельной схватке, самые святые чувства не только не препятствовали, но наоборот, побуждали безжалостно истреблять чужое племя вместе с женщинами и младенцами... Католики с мечом в руках освобождали Гроб Господен, завоевывали Америку, резали гугенотов, жгли на кострах еретиков. Православная церковь освящала войны за освобождение-

ние братьев-славян в Болгарии, братьев-христиан в Закавказье и уж ничем подобным не мотивированное завоевание Средней Азии... Да и много ли вы найдете в истории человечества армий, над которыми бы не реяло знамя святой веры?

Т. И. В этом есть, конечно, некоторый парадокс...

А. Н. Парадокс решается просто. Слово «религия» означает связь, соединение. Но до недавнего времени люди не знали иных способов соединения, нежели через противопоставление другим людям. Каждому богу противостоит свой дьявол. Это — в концептуальном плане. Практически же самая замечательная религиозная доктрина становилась «материальной силой» тогда, когда рядом с Христом появлялся Павел, рядом с Марксом—Ленин. Один говорил возвышенно и красиво, другой — понятно. И всякое «не убий» получало конкретизацию: кого, когда, где, за что.

Я хочу сказать, что культ, исключаящий всякое вообще насилие» не мог бы стать фактом массового сознания. Мы с вами можем осуждать насилие, не принимая его, но наивно думать, что войны в истории — это прихоть кровожадных вождей. Силовые конфликты обусловлены законами конкуренции систем, соответствующими свойствами социальной психологии, и они служили важным фактором развития во всех сферах материальной и духовной деятельности. Религии же реально никогда не устраняли насилия, а только упорядочивали его, и именно этим определяется их громадная роль в истории человечества. Только теперь цивилизация достигла такого уровня энергетического могущества, когда полное устранение войн из жизни общества становится вопросом его выживания. И такому требованию религиозные регуляторы удовлетворить уже не могут.

Т. И. А не может ли из того, что сейчас называют «новым мышлением», родиться новая всеобщая религия, сверхрелигия? И что плохого, если она объединила бы всех людей на основе взаимной терпимости?

А. Н. Терпимость — не основа, а скорее «психологический механизм» объединения. Консолидирующей основой могла бы стать война с какой-то инопланетной цивилизацией. Но на это уповать не стоит: если и есть где-то в космосе разум, опередивший нас в своем развитии (что само по себе сомнительно), то по закону эволюционных корреляций он не может быть злонамеренным — иначе он истребил бы себя прежде, чем добрался бы до нас.

А если говорить серьезно, я убежден, что такая «сверхрелигия» без Дьявола возможна только в теологической теории. Вспоминаю, например, гениальную полемику Блаженного Августина против манихейцев с их черно-белым миропониманием. Но массовое религиозное сознание по сути своей дихотомично. Его моральные нормы построены на отрицательном и положительном авторитетах, а потому более или менее жестко делят людей на «своих» и «чужих». Посмотрите, сколько военных конфликтов в современном мире, и почти везде так или иначе задействованы религиозные различия. Такие конфликты труднее всего поддаются урегулированию. Вместе с тем приверженность религиозным традициям резко затрудняет демографический контроль и вообще утверждение норм жизнедеятельности, соответствующих современным условиям. На повестке дня — усиление панисламизма, православия и т. д. Все это серьезнейший источник глобальной опасности.

Т. И. Нынешние энтузиасты религиозного возрождения так любят пинать большевиков за их «воинствующее безбожие»...

А. Н. По-моему, сегодня уже смешно доказывать, что за атеистической

риторикой большевиков скрывалась типично религиозная идеология с соответствующими методами. Разве христиане не разрушали языческих храмов, не наказывали жестоко за отправление прежних культов, не старались выправить ценности античной культуры? Преследуют религию не атеисты, а фанатики другой религии. Старые москвичи помнят, зачем разрушали Храм Христа Спасителя. Не для того, чтобы вырыть на его месте злополучную «лужу» — бассейн «Москва», — а чтобы возвести новый культовый храм — Дворец Советов.

Т. И. Так ведь и атеизм сам по себе не спасает от глупости...

А. Н. Думаю, что это вещи просто несовместные. Грубо говоря, дурак не может быть атеистом, он непременно создаст себе кумира. Примитивному мышлению чрезвычайно свойственна инфантильная потребность в родительской опеке, в безусловном авторитете. Большевики, кстати, — яркая иллюстрация. Предпосылкой же для реального атеизма является очень высокий уровень развития культуры, образования, интеллекта. Еще в 40-х годах известный немецкий священник, теолог, замученный фашистами, Д. Бонхоффер писал, что подлинно безбожный человеческий мир ближе к Богу, чем мир религиозного догматизма. В этом один из ключевых моментов нынешнего глобального кризиса: успеет ли человечество дорасти до безбожия прежде, чем доведет себя до катастрофы.

Т. И. Но что реально может сменить религиозные законы морали?

А. Н. Подлинную альтернативу составляет рациональная нравственность. Она построена на обобщении и осмыслении опыта кризисных ситуаций, допускает критическую проверку посылок и выводов. Тем самым она освобождается от дихотомии «они—мы». Нормы деятельности строятся в этом случае на трезвом расчете, заменяющем лукавый прагматизм священных заповедей, которые апеллируют к трансцендентальному субъекту, готовому награждать и наказывать за те или иные действия (божья кара, богобоязнь).

Сегодня выясняется удивительная вещь: при достаточном информационном обеспечении грамотные прагматические оценки смыкаются с нравственными, а нравственный критерий способен служить проверкой на целесообразность. Скажем, долгосрочно продуманное хозяйственное решение не может быть неэкологичным, лживая, примитивно эгоистическая политика в конечном счете оказывается невыгодной. Драматический опыт XX в. успел убедить миллионы людей в том, что безоглядная эксплуатация природы, безудержное обогащение одних за счет обнищания других, поиск собственной безопасности через угрозу соседям — все подобные стратегии самоубийственны.

Все это реально побуждает к перестройке технологий, к построению более совершенных многокомпромиссных систем в сфере экологии, экономики, внутренней и внешней политики. Мне кажется, еще по достоинству не оценен тот факт, что пять десятилетий не применялись в прямых конфликтах самые грозные из создаваемых видов оружия. Такого никогда прежде в истории не было. И никогда еще в истории люди не образовывали политических или экономических коалиций, которые не были бы направлены против третьих сил. Это подлинное новобретение нашей эпохи. Размываются государственные границы в Западной Европе, есть первые признаки того, что этот процесс перекинется на Восточную Европу и Америку. В перспективе отмирание национального государства как исторического феномена. Не отголосок ли это того, наивного — «без России и без Латвии»... Вообще, хотя теперь не принято об этом говорить, но многие элементы

коммунистической утопии воплощаются-таки в жизнь, но через совсем иные, ненасильственные механизмы. И наш трагический «октябрьский эксперимент» действительно имел всемирно-историческое значение, как и национал-социалистические «эксперименты» в Италии, Германии (ведь многие задачи там и тут пересекались). Они решительно подтолкнули демократические процессы в Европе, высветив тупиковые пути.

Т. И. То есть вы не согласны с утверждением Гегеля, что люди ничему не учатся на опыте истории?

А. Н. У Гегеля это грустный сарказм и предостережение. В действительности история просто выбраковывает тех, кто своевременно не учится на ее опыте. Вот пример самый животрепещущий. Сейчас в нашей стране объективные социальные противоречия глубже, чем в 1917 г., когда они во многом подогревались искусственно. Единственное, что дает нам шанс избежать широкомасштабной гражданской войны,— историческая память и очевидность для всего мира глобальных последствий такого бедствия. В начале века революционное насилие, террор, гражданская война воспринимались как ценности позитивные во многих слоях общества. Теперь на человека, откровенно призывающего к войне, смотрят как на выродка. Ну а если нам не достанет мудрости, то мы делом докажем, что не достойны выживания как народ, как страна, как цивилизация. Иначе получится, что история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, другой — в виде катастрофы.

Твердая надежда на то, что этого не произойдет, лично у меня появилась в августе 1991 года...

Т. И. После провала путча в одном из первых интервью по-только что ожившему телевидению Ю. Черниченко заметил, что защитники «Белого дома», москвичи, россияне в те дни продемонстрировали даже не политическую, а нравственную зрелость...

А. Н. Знаете, в предшествующие годы и месяцы я выступал в различных аудиториях, по радио, телевидению, в печати, возражая против сетований на мнимое падение нравов. Приводил исторические параллели, сопоставления, доказывал, что страна наша переживает бурный рост нравственности. И это каждый раз вызывало удивление и протест.

Но когда тысячи москвичей по собственному почину вышли на улицы, встали перед танками — не немецкими или китайскими, а посланными собственным руководством — и когда солдатам удалось воздержаться от насилия, все увидели: мы становимся обществом гордых, свободных людей, готовых взять на себя ответственность за прошлое, настоящее и будущее. В первые дни эйфории мне вспоминалась чудесная шутка Оскара Уайльда: самое страшное наказание, какое способен придумать Бог для человека,— исполнение всех желаний. Сколько раз история уже сыграла эту шутку с людьми, для скольких победителей триумф оборачивался началом краха!.. И я сразу почувствовал, что многие в стране думают о том же. Это неизбежно сказывается на действиях людей, из которых и складывается история. Историческая память — вполне реальный фактор событий.

Т. И. Вы, стало быть, делаете такое обобщение: нравственности в мире становится больше, она развивается по единому универсальному вектору?

А. Н. Да, такой вектор прослеживается — расширение сферы ненасильственного разрешения противоречий. Хотя, конечно, история нравственности знает периоды откатов (которые, кстати, обычно сопровождаются массовой иллюзией подъема, как это было в 20—30-е годы в СССР, в те же 30-е — в Германии).

Но в целом мораль, нравственность — это вселенское явление. Вот вы вспомнили Гегеля, а мне ближе формула другого великого философа, Платона: «Мудрому не нужен закон — у него есть разум». Думаю, что, как бы ни различались между собой цивилизации во Вселенной, их судьба подчиняется закону эволюционных корреляций, и высокоразвитый интеллект неминуемо придет к тождественным императивам.

Здесь действительно интересный парадокс: начиная формироваться как инструмент агрессии, интеллект через прагматику самосохранения последовательно приходит к преодолению агрессивных тенденций. Другой вопрос — все ли цивилизации способны пережить неизбежные кризисы. Имеются косвенные доказательства того, что во Вселенной происходит как бы естественный отбор планетарных цивилизаций, и те из них, которые не выдерживают своего рода тест на зрелость — на внутреннее разнообразие и, соответственно, на терпимость,— "выбраковываются" из эволюционного процесса путем самоистребления. В этом плане деятельность двух-трех ближайших поколений должна стать решающей для судьбы земной цивилизации на одном из самых трудных переломных этапов.

Можно конкретными расчетами показать, что шансы на выживание так же реальны, как и опасность окончательной катастрофы. Но те же расчеты убеждают: даже при самом благоприятном раскладе будущее не сулит человечеству идиллии. Разрешение нынешних кризисов потребует очень дорогой цены, вплоть до перерождения человеческого рода. Об этом я уже говорил в вашем журнале (1991, № 6).

© А. Нвзаретян, Т. Ильина, 1992